

анализа (а именно тот, который отвечает его концепции). В результате хорошие книги подчас лишаются своего неповторимого своеобразия, а плохие неожиданно встают с ними в один ряд.

Энтузиаст. Может быть, в чем-то вы и правы. В ряде случаев серьезный литературоведческий анализ произведений действительно подменяется их беглым пересказом и распределением «по полочкам». Но ведь немало в книге и других страниц. Вспомните четвертую главу работы, посвященную романам Ильфа и Петрова. О «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке» написано уже довольно много, и тем не менее А. Вулис высказал свежие наблюдения, привлек новый материал. Сопоставление же образов Васисуалия Лоханкина и Мишеля Синягина проведено не только содержательно, но и занимательно.

Скептик. Да, четвертая глава и в самом деле интересна. Пожалуй, это лучшая глава в книге.

Энтузиаст. А возьмите главу, посвященную сатирическому роману 30-х годов. А. Вулис анализирует здесь такие выдающиеся сатирические произведения, как «Возмутитель спокойствия» Л. Соловьева, «Театральный роман» и «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Причем о романах М. Булгакова это вообще первое слово в нашей науке. Все названные произведения исследователь

разбирает серьезно, со знанием дела. Согласитесь, что в этом также состоит немаловажное достоинство работы А. Вулиса.

Скептик. Согласен с вами полностью. И все же вынужден добавить, что и эти главы не свободны от тех же недостатков...

Разговор энтузиаста со скептиком на этом не закончился. Он продолжался еще довольно долго, но я не буду излагать его дальше, ибо суть их разногласий, думается, уже ясна. В конце концов спорщики устали и попросили меня рассудить их.

Я с жаром заявил, что исследователь, взявшийся за разработку столь сложной темы, разумеется, заслуживает всяческой поддержки, что в работе А. Вулиса, несомненно, немало достоинств и что в этом отношении энтузиаст, конечно, прав. Однако, с другой стороны, концепция исследования действительно не очень убедительна, недостатков в книге тоже немало, и в суждениях скептика, безусловно, есть рациональное зерно.

Подобное заключение удовлетворило всех, кроме споривших. Каждый из них стоял на своем. Тогда я пообещал энтузиасту и скептику изложить их разговор и опубликовать его. Кто из них более прав, пусть решают читатели.

Это предложение впервые за весь вечер не вызвало никаких разногласий и было принято единогласно.

Д. НИКОЛАЕВ

ЛЕТОПИСЬ НАРОДНОЙ ДУШИ*

Вышедший в 1965 году сборник «Частушки в записях советского времени» безусловно станет на-

* «Частушки в записях советского времени», «Наука», М.—Л. 1965, 496 стр.

стольной книгой фольклористов и займет почетное место в библиотеках любителей поэзии. Несмотря на то, что библиография частушечных сборников, изданных в советскую эпоху,

могла бы составить отдельную брошюру, мы до сих пор не имели научного свода, который можно было бы поставить рядом с известными классическими сборниками Е. Елеонской и В. Симакова (1914 и 1915). Рецензируемая книга восполняет этот пробел — без нее нельзя представить себе судьбы и специфику удивительной лирической миниатюры, созданной русским народом около ста лет тому назад.

Значение книги определяется прежде всего полнотой охвата материала и высокой культурой его публикации. Здесь представлены записи, производившиеся на Севере и Северо-Западе страны с 1917 по 1963 год и хранящиеся в архивах Института русской литературы — свыше восьми тысяч номеров. Принцип расположения материала — географический, наиболее точный и научно оправданный для изданий подобного типа, строго учтена хронология записей. Справочный аппарат безупречен, достаточно сказать, что сборник снабжен указателями пяти типов, всесторонне охватывающими материал и значительно облегчающими пользование им. Здесь учтены и основные тематические группы, и жанровые разновидности частушек, имеются именной и географический указатели, а также очень интересный и ценный предметно-терминологический указатель, незаменимый для работы над вариативностью частушки и ее поэтикой.

Научное значение собрания значительно возрастает благодаря участию в нем музыковедов. Частушка — жанр вокально-инструментальный, ее эмоциональное воздействие обусловлено органическим слиянием образов словесных и музыкальных. Не учитывать музыкальную сторону частушки — значит непозволительно

обеднять ее. Да и вообще невозможно заниматься, например, ритмикой частушки в отрыве от ее напева, не говоря уже о том, что изучение частушечных мелодий — важный момент в решении сложного и спорного вопроса о генезисе жанра. Не случайно интересные и ценные соображения в этой области были высказаны музыковедом Е. Гиппиусом в известной статье «Интонационные элементы русской частушки»¹. Нотное приложение к собранию, которому предпослана небольшая статья музыковеда М. Дьяченко, включает более тридцати мелодий. Это различные варианты напевов и аккомпанемента гармонике, записанные в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Псковской и других областях.

Но дело не только в богатстве материала — дело в его подлинности. Ни для кого не секрет, что в сборники часто проникают тексты, в сущности, не имеющие отношения к подлинной народной частушке. В собрании, составленном З. Власовой и А. Гореловым, таких текстов нет, и вряд ли можно переоценить этот факт, рассматривая научное фольклорное издание.

Что же помогло составителям отделить подлинники от фальсификаций? Прежде всего глубокое понимание самой сущности жанра, его лирической природы и принципов его поэтики. В том, что частушка — жанр народной лирики, как будто бы никто из фольклористов не сомневается. Но часто дело не идет дальше этого формального признания, что проявляется, например, при составлении многих научных сборников, где частушки расположены тематически, причем отдельно «общественная» тематика и отдельно «лич-

¹ «Советский фольклор», 1936, № 4-5.

ная». Нельзя не согласиться с А. Гореловым, подчеркнувшим в своей содержательной и интересной вступительной статье, что объективные события в частушке преломляются прежде всего через частные судьбы, через коллизии личного свойства. Частушка может, конечно, говорить о событиях в общем плане, но предпочитает через «свое», единичное, «личное».

Прямой публицистики в частушке немного. Часто составители, смущаясь этим, спешат «восполнить пробел», включая в «общественные» разделы материалы самодеятельности приблизительно такого типа:

Мы все нормы выполняем
И за качеством следим,
Завоеванное знамя
Никому не отдадим.

Или:

Мы в колхоз давно вступили
И по-новому живем,
Не серпом мы, как бывало,
А машиною мы жнем¹.

Такие «образцы» вызывают прежде всего чувство удивления: неужели опытные фольклористы, включающие их в солидные сборники, серьезно думают, что эти нескладные вирши имеют какое-нибудь отношение к народной частушке?

Сразу же нужно сказать, что далеко не всегда так беспомощны «самодеятельные» частушки, — здесь все, естественно, зависит от степени одаренности их автора. Часто авторские образцы, публикуемые в стенгазетах, исполняемые агитколлективами на эстрадах, пользуются успехом у аудитории: обычно они конкретны, посвящены каким-либо событиям в жизни определенного коллектива. Они успешно выполняют свою миссию. Некоторые переходят в народ-

ное бытование, а большинство теряет свое значение, как только исчезает ситуация, которая вызвала их к жизни. Конечно, фольклористы должны учитывать существование этого материала, но право на публикацию в сборниках народных частушек он получает только в том случае, если он «перешел в жизнь». З. Власова и А. Горелов публикуют некоторые «самодеятельные» частушки, оговаривая это в жанровом указателе, как и следует делать в подобных изданиях.

Составители не стремились «улучшить» фольклор, и в результате мы имеем удивительно правдивую летопись народной души — историю мироощущения народа. В этом смысле фольклорные материалы, и прежде всего создания народной лирики, — один из основных источников наших знаний об изменении внутреннего мира человека в этапные, переломные моменты истории. Этот источник составляет важнейшую параллель, а кое в чем является коррективом нашей литературы о деревне советской эпохи.

В сборнике нашли место многие тексты, которые ранее невозможно было включить даже в научное издание (попутно нельзя не выразить глубокого сожаления об уничтожении «части фонда в период культуры личности Сталина», как об этом сообщается в предисловии). Становление нового сознания, ломка привычных, устоявшихся психологических норм деревенской жизни прослеживается по опубликованным текстам во всей сложности. Потрясают своей человеческой подлинностью частушки периода Великой Отечественной войны, проникнутые страстным гуманистическим протестом против фашизма, разрушающего миллионы судеб. Женское одиночество в результате войны — одно из самых распростра-

¹ «Русские частушки». Предисловие и отбор текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной, Гослитиздат, М. 1956, стр. 281, 290.

ненных переживаний, воплотившихся в частушках этого периода. Неповторимым народным юмором окрашены сатирические частушки, насмешки над нерадивым колхозным начальством, которые хорошо раскрывают психологию человека, чувствующего себя хозяином в своей деревне и в своей стране, его смех и порожден этим сознанием.

Особенной психологической тонкостью отличаются частушки о любви, разлуке, измене, заставляя вспоминать лучшие образцы новейшей «профессиональной» поэзии, особенно стихи Ахматовой и Есенина. Здесь те же сложные психологические движения, обаятельная недоговоренность, «эскизность», поэтизация бытового и ярко выраженное драматическое начало, непосредственность интонации и «чувствуемый» жест.

Литературоведение и фольклористика в долгу перед частушкой: мы все еще до конца не оценили ее и не раскрыли ее поэтическую специфику. Здесь все настолько тонко и сложно — как, впрочем, и всегда в настоящей лирике, — что нужно большое художественное и исследовательское чутье, чтобы анализ не нарушил поэтической прелести миниатюры. Автор вступительной статьи — А. Горелов — вполне обладает этим чутьем. Думается, что изменяет оно ему только в одном случае — когда он пытается анализировать композицию частушки в зависимости от установленных им двух частушечных типов — «объективно-лирического» и «субъективно-лирического». Подобная классификация уже вызывает сомнения, ведь лиризм в частушке, как неоднократно пишет сам А. Горелов, всепроникающ, и два названных им типа можно установить только в каких-то «крайних» образцах, а они не так часто встречаются. По-

этому те композиционные схемы, которые приводит автор, практически повторяются и не являются отличительной принадлежностью «субъективно-лирического» или «объективно-лирического» типа.

Большой материал для размышлений над природой и поэтикой частушки дают тексты, опубликованные в собрании. Из них прежде всего ясно видно, что частушка — отнюдь не «однодневка», что в лучших своих образцах она живет десятилетиями, обслуживая несколько поколений: многие тексты собрания известны по дооктябрьским публикациям. Необоснованны заявления некоторых фольклористов о том, что дореволюционная частушка не соответствует сознанию советского человека: лучшие частушки о родной стороне, о любви, о разлуке живут активной жизнью рядом с новыми, созданными уже после Октября.

Вероятно, поторопились наши исследователи и с утверждением об отмирании в современной частушке некоторых поэтических принципов, в частности психологического параллелизма. Рассматривая тексты, вошедшие в собрание, легко убедиться, что параллель между определенной зарисовкой из жизни природы и психологическим состоянием лирического героя — одна из основных форм построения частушки. Эти параллели часто утрачивают «лобовой» характер, как это было в лирической песне, они становятся сложнее, разнообразнее, многое переносится в подтекст. Совершенно справедливо замечает А. Горелов, что «ассоциативные отношения человека и окружающего мира стали богаче, тоньше и прихотливей, сознание единства бытия личности и бытия мира — глубже» (стр. 19).

И наконец, действительно видна

необходимость вплотную заняться поэтическим языком частушки, которым в свое время восхищался Горький. В современных частушках юмор часто строится при помощи обыгрывания языковых канцелярских штампов, что в сочетании с традиционной частушечной лексикой создает комический эффект.

Меня милый изменил,
Думает: удачество,
Он нашел, и я нашла —
Идет борьба за качество.

Великолепные частушечные неологизмы, мастерство звукописи — все это должно привлечь серьезное внимание

исследователей — не только фольклористов, но и литературоведов.

Публикация записей частушек, хранящихся в различных архивах, только начата. Необходимо сделать такие же своды частушек центральных районов страны, юга, Урала, Сибири. Это тем более необходимо, что сейчас уже можно подводить определенные итоги развития жанра. Хотелось бы, чтобы дальнейшие публикации стояли на том же уровне, что и свод «Частушки в записях советского времени», являющийся достижением советской фольклористики.

И. ПРАВДИНА

ДЕДУКЦИЯ И ПАФОС*

Бесчисленные оттенки значений, влагаемых в слово «поэтический», группируются, однако, около одного стержня — соотношения «поэзия — проза». Такова всем известная научная традиция термина. В ее пределах возможны разные принципиальные подходы и толкования понятия. Стих в отличие от ритмически аморфной речи, предельная непосредственность, нерасчлененность художественного восприятия (гумбольдтовская трактовка); картинность — образность в узком смысле — в противовес прямому выявлению мыслей, наконец, сама художественность как стихотворного, так и прозаического творчества — все это поэтическое.

Возникнув на материале искусства слова, термин метонимически переносится и на другие смежные виды творчества: «поэтический кинематограф». Но надо помнить, что такие

выражения вторичны, условны, не обладают терминологической строгостью.

Естественно, что от основных значений слова отпочковались побочные. Как правило, это происходит тоже по принципу метонимического перенесения. Эти значения еще более условны и не могут претендовать на место под солнцем в науке без веских и точных мотивировок. Тем не менее в реальном, житейском обиходе они иногда становятся даже более популярными, чем значения первичные.

Сюда-то и относится тот случай, когда слово «поэтический» (а вернее сказать, «поэтичный») употребляется в смысле «светлый, лиричный, романтический, немного идеализированный».

Но именно это вторичное и несколько бытовое, кустарное, любительское значение слова «поэтический» избрано С. Лиманцевой как отправной пункт в книге, как узел концепции.

* С. Н. Лиманцева, Поэтическое в искусстве, «Искусство», М. 1966, 176 стр.